РОССИЯ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ
Константин Иосифович Косачев

В расстановке внешнеполитических приоритетов в президентском Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 2004 года на первом месте оказалась работа по углублению интеграции на пространстве СНГ. На фоне расширяющегося взаимодействия с США, Евросоюзом, НАТО, особый импульс которому придал стратегический выбор России после 11 сентября 2001 года в пользу участия в антитеррористической коалиции ведущих стран мира, такой подход к определению основных целей страны на международной арене на первый взгляд действительно может показаться нелогичным. Не означает ли это, что России «уходит» в региональную политику, отказывается от роли ведущего игрока мировой политики, смирившись с ограниченным по масштабу континентальным влиянием?

Разумеется, задачи на постсоветском пространстве у России сами по себе непростые: по сути, мы только начали восстанавливать там свое влияние в том объеме, который более соответствует политическому весу крупнейшей евразийской державы. Задавшись целью добиться максимальной отдачи от участия в интеграционных процессах (которая в настоящее время, к сожалению, далеко не всегда соответствует затрачиваемым на нее силам и средствам), мы вынуждены сейчас пересматривать отношение к некоторым региональным структурам и усиливать работу в организациях, доказавших свою жизнеспособность и эффективность.

Нельзя не отметить при этом, что наши объединительные усилия предпринимаются на фоне нарастающей активности США и евроатлантических институтов на постсоветском пространстве, которая сказывается на расстановке внутриполитических сил в странах СНГ, и нередко дело доходит до столкновения с интересами России. Однако не нужно усматривать в этом нечто противоречащее курсу на сближение и даже партнерство с ведущими демократическими державами и таящее в себе чрезмерный конфликтный потенциал, способный в перспективе подорвать наши отношения с Западом. Современная борьба за влияние, без которой вообще трудно представить себе

международную политику, носит принципиально иной характер, чем в эпоху «холодной войны». Сегодня в ней нет острого идеологического противостояния, конфликта антагонистических мировоззрений и практик. Это крайне важно, поскольку проблема единых ценностей, то есть моральный аспект, выходит в современной внешней политике стран Запада на передний план, порой заслоняя собой материальный – экономические и военно-политические соображения.

В США при президенте Джордже Буше-младшем идея демократизации всего мира стала самодовлеющей. И если средства, которыми осуществляется принятая на себя историческая роль, порой вызывают неодобрение, даже возмущение и мирового сообщества, и самих американцев, то цель – низвержение диктаторских режимов и утверждение демократии (а подчас и понуждение к ней) – у того же населения Америки сомнений не вызывает. Однако и объединяющаяся Европа близка к такому же пониманию нового миропорядка, расходясь со «старшим партнером», скорее, во взглядах на способы осуществления «экспорта демократии».

С подобной политикой стран и институтов Запада мы, скорее всего, и будем иметь дело на постсоветском пространстве, где стремление евроатлантических структур укрепить свое влияние будет сопровождаться усилиями по демократизации стран СНГ и поддержке тех сил, которые, по мнению западных политиков, олицетворяют собой стремление к демократии по западному образцу. Это, впрочем, отнюдь не означает, что нам туда дорога закрыта, поскольку вес и влияние России сегодня очевидно уступают мощи коллективного Запада. Наоборот: участившиеся случаи столкновения политических и экономических интересов России и США, ЕС и/или НАТО в европейских и азиатских государствах бывшего Советского Союза подтверждают, что возможности нашей страны на этом направлении в последние годы существенно выросли. Она в состоянии убедительно заявить о своих интересах и достаточно последовательно реализовывать их в соседних странах. Разумеется, далеко не все нам удается – многое было упущено ранее, да и «тени прошлого» еще витают над нашими отношениями: слишком исторически короткий период отделяет нас от неоднозначно оцениваемой эпохи сосуществования в едином государстве. Но при этом нет никакой «безоговорочной сдачи позиций» и «ухода из СНГ», которыми часто пугают население России пропагандисты катастрофических сценариев.

Однако российская политика на пространстве Содружества Независимых Государств даст наибольшую отдачу, если, во-первых, она не будет восприниматься ни в самих странах Содружества, ни на Западе как попытка противостоять линии на демократизацию этих стран. Во-вторых, важно добиться максимальной эффективности региональных интеграционных структур, отходя от декларативности 90-х годов к прагматизму и практической пользе для интересов нашей страны. Которые, и это в-третьих, не должны, в свою очередь, противоречить задачам и целям самих государств СНГ и пробуждать необоснованные опасения насчет «неоимперских амбиций» России, а, напротив, могли бы гарантировать поступательное развитие экономики и политических систем в этих странах.

Разумеется, одним укреплением влияния на постсоветском пространстве внешнеполитические приоритеты России не исчерпываются, поскольку ее возрождение как мировой державы не может ограничиваться региональной ролью. Ибо в противном случае она рискует остаться в стороне от глобальных процессов, определяющих лицо будущего мира. Каким же образом соотносится обозначенная Президентом России в качестве основной задача углубления интеграции на пространстве СНГ с геополитически детерминированной целью укрепления международных позиций России в качестве одной из ведущих держав мира? Полагаю, что «формула успеха» в глобальной политике для большинства сравнимых с Россией по масштабу и потенциалу стран заключается в способности сформировать свой регион влияния, в котором доминирующая держава будет составлять самостоятельный центр силы, чтобы наряду с прочими мировыми центрами участвовать в уже начавшемся процессе реформирования мировой системы. Именно вхождение в клуб ведущих мировых держав на правах такого регионального гравитационного центра обеспечивает максимальное влияние и учет своих интересов при реализации тех или иных моделей будущего мироустройства, равно как и шанс на реализацию собственных представлений о мировом порядке. Думается, именно в данном контексте следует рассматривать стоящие перед Россией задачи на постсоветском пространстве, поскольку такой подход обеспечивает подобающее сверхрегиональное измерение внешней политики страны, нацеливая ее на достижение глобальных целей в соответствии с собственными стратегическими интересами.

Нужно отметить, что в настоящее время налицо необходимые предпосылки для укрепления международных позиций страны. Шанс на их максимальное использование в своих интересах будет зависеть в первую очередь от тех целей, которые Россия собирается преследовать в глобальном контексте. Этот контекст сейчас таков, что одна сверхдержава и группа ее стратегических союзников стали самодостаточными в военно-оборонительном отношении, и в ближайшей перспективе вряд ли какому-либо государству или группе государств удастся составить принципиальную конкуренцию лидерам. Если Россия все же будет искать пути для создания военно-стратегической альтернативы, своего рода «ОВД-2», естественно, с иным составом участников, – например, из числа азиатских или ближневосточных держав, этот заведомо обреченный на сегодня план обернется жестким остракизмом со стороны ведущих стран Запада. И тогда о каком-либо учете интересов России в текущих процессах формирования нового миропорядка говорить будет трудно. К тому же союзниками при реализации подобных планов сейчас могут выступать только так называемые страны-изгои, являющиеся объектами жесткого давления со стороны государств-лидеров.

Но отказ от собственных блокоформирующих планов вовсе не означает, что Россия обречена искать место «на задворках цивилизации». Ситуация в мире на рубеже тысячелетий характеризуется появлением принципиально новых угроз, которые не дают западным странам «почивать на лаврах» победителей в «холодной войне», тенденция к чему просматривалась еще недавно. Активное участие нашей страны в работе «Большой Восьмерки», куда ее пригласили пока еще не за особые заслуги на ниве экономических и демократических реформ, подтверждает тот факт, что Россия нужна Западу, причем именно как полноправный участник процесса выработки адекватных ответов на вызовы эпохи. Отсутствие прежних идеологических разногласий, стратегическое решение России о поддержке США при формировании антитеррористической коалиции сделали шансы на поистине историческое сближение вполне реальными.

Конечно, от некоторых иллюзий по поводу перспектив интеграции России в организационные структуры Запада – Евросоюз, НАТО – пришлось со временем избавиться. Но дело тут не в принципиальной неинтегрируемости России, как иногда пытаются представить дело противники сближения с нашей страной. Очевидно, что на сегодня сами эти евроатлантические структуры попросту не готовы к появлению в своих рядах такого огромного участника, как Россия. Представить себе переход на единые стандарты вооружений или, например, ситуацию, когда самолеты НАТО начнут охранять российско-китайскую границу, пока довольно затруднительно. Но и в политическом, и в экономическом отношении, как показали последние дискуссии с представителями Евросоюза, интеграция России также пока нереальна.

Однако это не означает наступление «ледникового периода» в наших взаимосвязях со структурами Запада, как могло еще недавно показаться, в частности, при поверхностной оценке состояния дел в двусторонних отношениях России с ЕС. Есть смысл говорить, скорее, об этапе отрезвления, определенной деромантизации и десакрализации этих отношений. В прошлом, когда, в частности, в 1994 году подписывалось Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС (СПС), в перспективное сотрудничество и интеграцию России в европространство закладывалось много ожиданий, отраженных и в СПС, но чаще эмоциональных и не подкрепленных поэтапной стратегией. Противоречие между высокими целями и конкретными переговорными проблемами, с которыми столкнулись в последние годы (по вопросам о Калининграде, о присоединении России к ВТО и Киотскому протоколу, о последствиях расширения ЕС и НАТО), когда стороны заняли «обоюдожесткие» позиции, свидетельствует о том, что период рационализации в наших отношениях назрел, но при этом в нем нет ничего негативного для обеих сторон.

Можно говорить, скорее, о кризисе прежней стратегии ЕС по отношению к России, а не о тупике в двусторонних отношениях. В основе этой стратегии, которая сейчас подвергается очевидной ревизии, – неготовность ЕС выстраивать отношения с Россией как с равноправным стратегическим партнером, попытка применять к ней те же критерии, что и к кандидатам на вступление в ЕС. В итоге на основании упомянутых скоропалительных выводов о «неинтегрируемости» России, а также банального арифметического сравнения экономических и людских потенциалов двух сторон, стремление полностью интегрировать нашу страну у кого-то в Европе сменил соблазн говорить с нами с позиции

силы («выкручивать руки», по выражению В.В. Путина). Заметным было нежелание считаться с российскими интересами, неприкрытые двойные стандарты по чеченскому и ряду других вопросов.

Тем весомее видится тот прогресс, который был достигнут на московском саммите Россия – ЕС 21 мая 2004 года, когда удалось договориться по всем основным пунктам, препятствовавшим присоединению России ко Всемирной торговой организации, поскольку главным партнером по этим переговорам выступал, как известно, именно Евросоюз. Очень важно, что мы снова стали находить общий язык, ушли от ультиматумов и, как следствие, стали воплощать взаимопонимание в конкретные дела. Учитывая прежние договоренности, достигнутые в Люксембурге 27 апреля с.г., плодотворные встречи на высшем уровне с руководителями стран ЕС и еврочиновниками, а также продвижение в сложном вопросе о присоединении к ДОВСЕ новых членов НАТО, можно сказать, что сейчас идет не нервный, отягощенный эмоциями дискретный процесс, и не банальные торги, а возникла последовательная линия в двусторонних связях, где достижение согласия по спорным вопросам становится ожидаемым и прогнозируемым.

Безусловно, осталось еще немало дискуссионных тем: будущее Калининградской области, положение русскоязычного населения в странах Балтии, разные оценки внутриполитических проблем в России. Но в контексте «нового прагматизма», скорее всего, и здесь можно надеяться на достижение прогресса; по крайней мере на то, что удастся нейтрализовать их негативное влияние на весь массив двусторонних отношений. Совместно работая над концепцией «четырех пространств», мы сможем постепенно, шаг за шагом, найти ту оптимальную, недискриминационную и обоюдовыгодную модель интеграции России в Европу, основанную не на одних лишь эмоциях и декларациях, но, с другой стороны, и не на сугубом рационализме. Я бы не стал исключать гипотетическую ситуацию в более отдаленном будущем, когда Россия будет участвовать в миропреобразующих процессах в качестве составляющей единого с Европой центра силы, в который органически сольются ЕС и СНГ. Исходя из этих соображений, поиск общих платформ с Европой для нас будет актуален практически всегда.

Как представляется, именно единая позиция России, Германии и Франции, занятая ими с самого начала иракского кризиса и развивавшаяся затем в схожем направлении, в немалой степени способствовала корректировке изначального курса США и Великобритании по отношению к Ираку. Можно сказать, что линия России в этом вопросе была подлинно европейской, в отличие, скажем, от открыто проамериканской позиции некоторых новых членов Евросоюза, не получивших, впрочем, существенных дивидендов от своего демарша. Но именно упомянутые европейские державы, изначально высказывавшиеся против военной операции в Ираке, сыграли впоследствии существенную роль в подготовке взвешенной резолюции Совета Безопасности ООН, сохранив при этом и свой авторитет, и нормальные отношения с Америкой. Этот опыт показывает, что самостоятельная политика России в сложных международных вопросах вполне может (и должна) работать на ее политический вес.

Эта модель тем более важна в контексте участия России в тех глобальных процессах, которые будут во многом определять мироустройство в течение последующих десятилетий. Без понимания их направленности и основных форм проявления в современной политической жизни мы рискуем оказаться на обочине мировых тенденций. Очевидно, что тектонические сдвиги в международной системе затрагивают базисные принципы, на которых держался мир уже многие столетия и которые определяли так называемую вестфальскую систему, основанную на государственном суверенитете и невмешательстве во внутренние дела отдельных государств. Именно эти принципы будут подвергаться максимальной эрозии в новом мире, но, как известно, сейчас они составляют фундамент современного международного права и основных межгосударственных институтов, прежде всего – Организации Объединенных Наций.

Думается, существуют необходимые возможности добиться того, чтобы глобальные изменения не носили характер обвала старого миропорядка, разрушающего все существующие механизмы обеспечения международной безопасности и стабильности. Однако, чтобы избежать подобного негативного развития, необходимо деятельное участие в совместной выработке принципов нового мироустройства, в том числе – критериев применения силы в случаях очевидной террористической угрозы или опасности получения разного рода экстремистами ядерного оружия. Сегодня нашей стране предоставлен реальный шанс начать тысячелетие в числе мироформирующих держав, и воспользоваться им – основная стратегическая задача России на ближайшие годы.